

ИЗ БЛОКНОТА
ЖУРНАЛИСТА

КАКИЕ ПИРОГИ, ЛЕОНАРДО ВИКОЛЛО?

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с этим человеком девять лет назад, летом 1960 года. Помню, как он, высокий и элегантный, в простеньком, но аккуратно выглаженном и пригнанном по фигуре костюме, вошел в мой кабинет и прямо с порога, словно радуясь встрече с загадочным другом, воскликнул:

— Какие пироги?!
Потом, артистически забросив трость на левую руку, представился:

— Ваграмов. Валентин Апполонович. Между прочим, пенсионер. А вы, извините за нескромность, молодой человек, из каких теплых краев к нам пожаловали?

Он добродушно, чуть-чуть, может быть, лукаво улыбнулся, и эта стариковская улыбка расположила к откровенности.

— Из Калининграда.

— О! — Он вскинул вверх руки, выражая и восторг, и удивление одновременно. Можно было подумать, что название города звучало для него по крайней мере, как Париж или Нью-Йорк. Стало даже как-то неудобно. Старик же торопил с вопросом:

— Из Твери, значит? А в Торжке бывали?

— Случалось.

— О! А в Вышнем Волочке?

— И в Вышнем Волочке приходилось...

— Ну?! Это ж здорово!

«Ну все, — решил я. — Видно, на земляка нарвался, считай, день потерял: пойдут сейчас бесконечные «что» да «как», «а помните?..»

Но старик вдруг неожиданно сник, внимательно посмотрел мне в глаза, окинул взглядом стол, до краев заваленный бумагами, и, опираясь на трость, приподнялся со стула. Потом достал из внутреннего кармана пиджака сложенные пополам несколько листов бумаги, протянул их мне и многозначительно-заговорщически кивнул на дверь: мол, не смею задерживать, удаляюсь...

Старик, галантно раскланявшись, ушел. Я развёвнул оставленные им листки. Это была рецензия на один из спектаклей гастролировавшего тогда в Ленинске-Кузнецком Украинского театра. Рецензия была написана грамотно, толково, с профессиональным знанием дела. Подготовить ее к печати не представляло особого труда.

К концу рабочего дня Ваграмов позвонил по телефону, поинтересовался, все ли на месте в его, как он выразился, писанине и понятен ли почерк. В «писанине» все было на месте, а по черку — крупный, красивый, почти каллиграфический — характеризовал старика как человека аккуратного, уважающего труд других.

В тот же день от коллег-журналистов я узнал, что Валентин Апполонович — бывший актер, активный общественник, постоянный автор городской газеты. И, вообще, старик он что надо.

Мы подружались. Правда, отношения наши не были откровенно-непринужденными: они больше походили на деловую связь людей, разделенных возра-

стом в пятьдесят лет. Мы часто встречались: в редакции, на концертах и спектаклях, на репетициях самодеятельных артистов в клубах и дворцах шахтеров, где Ваграмов присутствовал как консультант, на различного рода смотрах и фестивалях, в конкурсных комиссиях...

Валентина Апполоновича можно было встретить и в горьком профсоюзе угольщиков, где он организовывал общественный Дом народного творчества и долгое время был его бессменным руководителем, и в отделе культуры горисполкома, где он числился внештатным инспектором, и в горьком партии, где частенько за круглым столом обсуждались те или иные городские культурно-массовые мероприятия...

Случалось изредка бывать у него и на квартире, в старом деревянном бараче, что на проспекте Кирова. Хлебопосольный хозяин, он сразу же усаживал за стол, выставлял на него все свое «кулинарное богатство», бутылку доброго вина и непременно шутил:

— Сначала пир, потом мир.

В его комнате царил атмосфера театра. Здесь все напоминало о сцене: и маленькая настольная фотография К. Станиславского, и большая личная библиотека хозяина, где, пожалуй, каждая вторая книга — об искусстве, и старые театральные афиши, и гитара, с которой Валентин Апполонович не расстается вот уже несколько десятков лет...

Удивительно: когда и где бы мы ни встречались с Ваграмовым, он, этот милый и добрый старик, всегда был полон не воспоминаниями былого, а заботами сегодняшнего дня. Его тревожила судьба драмколлектива Центрального Дворца культуры, где одно время на должности режиссера подвизался заезжий гастролер. Он работал над составлением программ для коллективов художественной самодеятельности, обсуждал в различного рода комиссиях планы художественного оформления города... Словом, был в гуще жизни.

И только в минуты откровения, как бы давая передышку самому себе, Валентин Апполонович предавался воспоминаниям. Из кусочков этих воспоминаний, услышанных при различных обстоятельствах в течение последних девяти лет, и сложилась эта краткая хронология жизни старого актера.

1908 год. Одесса. Театр известного в России антрепренера Владимира Сергеевича Сидоренкова. 17-летний Валентин Ваграмов — расклеенный афиш. 24 апреля — памятный на всю жизнь день: юноша получает маленькую эпизодическую роль в спектакле «Кручина». Это было началом его творческой работы в театре.

1911—1912 годы. Актер в театре Николая Николаевича Синельникова.

1912—1914 годы. Вновь в Сибиряковом.

1914—1919 годы. Служба в армии. Начала — в царской, потом — в революционной, под командованием Н. Подвойского.

1920 год. В. А. Ваграмов — один из организаторов и режиссеров Липецкого драматического театра.

1920—1921 годы. Работа в Луганском драмтеатре.

1922 год. Режиссер Армавирского драмтеатра.

1922—1925 годы. Организация и работа в московском замоскворецком театре «Безбожник». Постановка «Праздника святого Иоргена». В главных ролях — М. Царев и В. Ваграмов.

1925—1933 годы. Режиссер и актер в драматическом театре при совете воинствующих безбожников в Москве.

1933 год. Актер Вышневолоцкого драматического театра.

1934—1937 годы. Организация театра в Торжке. В. А. Ваграмов — главный режиссер и актер.

Потом — работа в Кировском ТЮЗе, Урюмском совхозном колхозном театре, в драматических театрах Вольска, Омска, города Энгельса.

С 1949 по 1951 год. До ухода на пенсию, В. Ваграмов работал с драматическим коллективом в городе Анжеро-Судженске. Потом в течение трех лет являлся художественным руководителем ЦДК в Ленинске-Кузнецком.

Без малого пятьдесят лет не покидал сцены этот человек. Прожита большая творческая жизнь, сыграны сотни ролей — от эпизодических до классических, память и документы хранят самое сокровенное и незабываемое.

...1912 год. Москва. МХАТ. На сцене — Качалов. Репетицию ведет Станиславский. А в темном углу зала сидит, заставив дыхание, начинающий актер из Слессы, для которого этот момент рецит всю его дальнейшую судьбу...

...«Удостоверение № 77. Выдано товарищу Ваграмову В. А. в том, что он является участником I Интернациональной Олимпиады самодеятельного революционного театра. Город Москва, 5 мая — 5 июня 1933 г. Председатель оргкомитета Олимпиады Ф. Я. Кон».

...Листок из блокнота с грифом Малого театра Союза ССР. Мелкий убористый почерк. Подробная консультация, как поставить пьесу «Люди доброй воли». Ее пишет в Анжеро-Судженск режиссеру Ваграмову народный артист СССР М. Царев...

Сколько их, памятных встреч, событий на жизненном пути актера?

Но я бы, пожалуй, так и не написал о добром, милом старике, не удивив он меня на девятом году знакомства с ним еще одной сторией своей жизни и творчества.

А произошло вот что. Будучи последний раз в Ленинске-Кузнецком, я вновь зашел на квартиру к Ваграмову. Старик встретил меня своим привычным «Какие пироги?» и усадил, как гостя, на самое почетное место. Сам же стал поспешно обирать со стола какие-то вырезки, газеты, журналы. Из вороха бумаг выскользнул и упал на пол паспорт. Я поднял его и невольно, мимоходом заглянул в раскрытую книжицу. Паспорт был хозяина квартиры — с фотографии на меня смотрел Валентин Апполонович. Строчки же черной туши... Я перечитал их раз, второй — и все равно остался в недоумении. Хозяином паспорта был... Леонардо Виколло. Местом его рождения значилась Италия, Милан, Ломбардская долина.

— Удивляешься? — заметив мое недоумение, с улыбкой спросил старик.

Я не нашел ничего лучшего, как ответить шуткой:

— Может быть, вы родом из семейства каких-нибудь дождей?

— Нет, — уже заразительно смеясь, ответил Ваграмов. — Моя мать, например, была всего-навсего солисткой Ла-Скала.

Я решил поддержать веселое настроение старика и, взяв со стеллажа первую поправшуюся под руку книгу, спросил:

— Ну, а не вы ли скрываетесь под фамилией Вабеля и не ваша ли это творение — «Конармия»?

Старик взял у меня книгу и, взвесив ее на своих ладонях, спокойно произнес:

— Я снимал «Конармию». Вместе с Иковом Влиухом. Летом двадцать девятого. Это была моя последняя работа в кино.

«Блестяще разыгрывает старик, — пронеслось у меня в голове. — Даже не улыбнулся. Артист!» Я подкинул ему еще один каверзный:

— Ну, если «Конармия» была для вас последней работой в кино, то, видимо, были и первые?

Старик с минуту молчал, и я готов был уже перейти на серьезный тон (мне не терпелось узнать историю записей в его паспорте), но он опередил меня:

— А первые мои работы — фильмы «Бабы рязанские», «Пробная мобилизация», «Хозяин пустыря». Я был помощником режиссера. Снимали в Москве, на фабрике «Совкино».

Я слотнул слону. Старик, приняв мою игру, отвечал вполне серьезно. Видимо, в этот момент вид у меня был настолько растерянный, что хозяин квартиры, как бы извиняясь за то, что ввел меня в такое состояние, начал оправдываться:

— У нас же с тобой ни разу не заходил разговор о кино. Откуда ж ты мог знать... Ну ничего, сейчас я тебе все покажу.

И он принес мне туго набитую бумагами папку. В ней были вырезки из газет, старые театральные афиши и различного рода документы. Справки и удостоверения 20, 30-х годов, сейчас они говорили все. Я бережно перебирал их и словно листал биографию человека, сквозь которого прошло столько интересного из истории нашего театра и кино.

И вдруг среди пожелтевших и выцветших от времени документов я обнаружил свежий, отливающий матовой безликой листок бумаги, разлинованный ровными рядами строчек. Это было личное письмо Ваграмову, датированное 5 сентября 1968 года. Валентин Апполонович махнул рукой: читай, мол, чего уж там...

Я стал читать: «С удовольствием вспоминаю нашу с вами молодость и совместную работу на заре советского кино — ей-богу, это были очень непростые годы!» Далее автор письма коротко сообщал о своем житье-бытье, упомянул о сильном приступе сердечной болезни в разгар съемок фильма в

Польше, благодарил Ваграмова за помощь в работе над картиной «Сюжет для небольшого рассказа». В конце письма стояла подпись: Сергей Юткевич.

Новый фильм Сергея Юткевича еще не вышел на экраны. В прошлом же году работа над ним была в полном разгаре. Журнал «Советский экран» в ряде номеров за 1967—68 годы под рубрикой «Дневник фильма» опубликовал серию репортажей своего специального корреспондента о работе над картиной и сьемках ее. В девятом по счету репортаже, опубликованном в июльском (14, 1968) номере журнала, приводится интервью С. Юткевича, в котором режиссер, в частности, сказал: «Время, которое показывается в чеховской картине, отстоит от нас всего на 70 лет. Для истории это пустяк, но для истории быта — срок весьма значительный.

Проблемы возникают на каждом шагу. В сценарии обозначен крупный план железнодорожного билета, который Чехов покупает Лике, когда они расстаются. Но как он выглядел, этот билет? Это еще пока не установлено».

Непредвиденные трудности возникли у постановщика и при сьемках эпизода в Мелихово, когда нужно было показать, как наряжают елку. Какова фактура и цвет игрушек конца прошлого — начала нынешнего века? С. Юткевич обращался к читателям журнала с просьбой помочь своими сообщениями разрешить эти трудности.

Именно в этих вопросах и помог известному советскому режиссеру его старый товарищ по совместной работе на заре советского кино: В. А. Ваграмов указал московский адрес, где можно достать железнодорожный билет конца прошлого столетия, и поделился своими познаниями по части елочных игрушек.

Совет Ваграмова, как явствует из ответного письма С. Юткевича, пришелся кстати: постановщик, таким образом, разрешил еще одну из массы возникающих проблем.

...Что же касается записей в паспорте В. А. Ваграмова, то все они, как говорят, соответствуют действительности. Он — итальянец по происхождению. В 1898 году семья Виколло в силу ряда причин вынуждена была эмигрировать в Россию. В 1902—1903 годах юному Леонардо пришлось батрачить, работать на сезонных работах, служить трактирным мальчиком в Кишиневе, таскать грузы в Одесском порту.

...Через четыре месяца Валентину Апполоновичу Ваграмову (таков его театральный псевдоним) исполнится семьдесят девять. Но и сегодня старый актер в гуще общественной и культурной жизни шахтерского города. Он мечтает создать детский драматический театр при Дворце пионеров.

— Трудно пробить идею, — посетовал он при нашей последней встрече.

И все-таки хочется спросить тебя, старого друга: «Какие пироги, Леонардо Виколло?»

В. КУЗНЕЦОВ.